

Отзыв
официального оппонента
о диссертации Татьяны Ивановны Ковалевой
«Видения в агиографических памятниках древнерусской литературы XIII-
XVII вв.: жанровая эволюция и сюжетосложение»,
представленной на соискание
ученой степени кандидата филологических наук по специальности
10.01.01 – Русская литература

Диссертация Т.И. Ковалевой посвящена жанру видений, широко представленному во всех европейских литературных традициях, в том числе в древнерусской. Его изучение способствует пониманию важнейших особенностей словесности и духовной культуры Древней Руси в первую очередь вследствие тесной связи этого жанра с мировоззрением человека Средневековья. На протяжении веков происходило постоянное взаимодействие устной традиции и литературных версий, зависящих от эстетических канонов той или иной эпохи. Этим, в частности, определяется сложность изучения визионерской литературы. Т.И. Ковалева в качестве главного предмета исследования выбрала видения, связанные с распространением христианства на Руси, с основанием церкви/монастыря и утверждением культа икон. Эта группа видений наименее изучена, что обусловило **актуальность** темы диссертационной работы.

Важно то, что в диссертации видения рассматриваются в историко-культурном контексте, как часть картины мира древнерусского человека. В центре внимания Т.И. Ковалевой - жанровая эволюция данной группы видений, прослеженная в тесной связи с вопросами повествовательной организации текстов агиографических сочинений, в состав которых данные видения вошли. Оба аспекта также следует признать актуальными, поскольку первый выводит на проблемы исторической поэтики, истории и типологии древнерусских жанров (нашедших отражение и в литературе Нового времени), второй – привлекает внимание к малоизученным вопросам нарратологии. В постановке задачи ставится акцент на контекстуальном плане, на изучении малого жанра в системе крупной формы.

Материалом для исследования послужили агиографические памятники разных жанров, относящиеся к разным эпохам и региональным традициям: Киево-Печерский патерик (ранняя редакция, первая треть XIII века), жития северных подвижников XV-XVII вв. и сибирское сказание о чудотворной иконе (1641 г.). Такой выбор источников, вызывающий немало вопросов (о чем речь пойдет ниже), позволяет между тем вывести на определение **жанровой доминанты** видений, приблизиться к пониманию «формулы жанра», узнаваемой в любых контекстах, а также проследить динамику жанра в его различных реализациях.

Во введении содержится исчерпывающий историографический обзор, в котором охвачены все основные труды российских, а также зарубежных ученых, посвященные видениям (с. 5-12). В качестве методологической основы

принят подход А.Я. Гуревича, рассматривавшего видения в тесной связи с менталитетом западного Средневековья, привлечены работы П.М. Бицилли, Л.П. Карсавина, что помогло пониманию специфики жанра, тесно связанного со средневековым мировоззрением. В структурно-типологическом анализе сюжетов, предпринятом диссертанткой, использована жанровая парадигма Б.И. Ярхо, не утратившая своего значения, а также труды Н.И. Прокофьева, Е.К. Ромодановской. Вслед за названными исследователями Т.И. Ковалева рассматривает видения как жанр в разных формах его бытования.

Несмотря на хрестоматийную известность Киево-Печерского патерика, Т.И. Ковалевой удалось выявить аспект, в котором этот памятник не изучался. Ею детально проанализирована группа видений, связанных с основанием Печерской церкви Успения, выявлена их структура, определена уникальная сюжетообразующая роль в повествовании. Диссертантка проявила способность заново прочесть хорошо известный литературный материал, отметить ряд не замеченных ранее композиционных особенностей. К патериковым сюжетам, реализующим топику видений (рассказы об Исакии Печерском, о Никите Затворнике), диссертантка обращается и в четвертой главе. В итоге складывается целостная картина той важной роли, которую этот жанр, тесно связанный с устной традицией, играет в памятнике книжности, способствуя художественному воплощению его концепции. Отметим, что и в диссертации, и в других своих работах Т.И. Ковалева убедительно пишет о проповеднической, учительной роли памятника в целом, реализуемой не в последнюю очередь конкретными примерами (*exempla*), построенными, в частности, при помощи визионерской топики.

Обращаясь во второй главе к житиям севернорусских святых, прямо или опосредованно восходящих к Житию Сергия Радонежского, Т.И. Ковалева на примере конкретных сюжетных ситуаций дополняет или подтверждает выводы исследователей-медиевистов (И. Яхонтова, Е.А. Рыжовой, М.А. Федотовой, Т.Б. Карбасовой, Е.В. Крушельницкой) о взаимосвязи различных агиографических памятников, тщательно отмечая факты текстуальной общности. Ей принадлежат и собственные наблюдения о литературных источниках – например, она отмечает текстуальную близость Жития Александра Свирского к Житию Варлаама Хутынского (с. 68). Интересно показана гибкость сюжетной схемы видений, которую авторы использовали для реализации того или иного замысла (например, в Житии Ефрема Перекопского, зависимом от Жития Александра Свирского). Материал, приведенный в диссертации, помогает проследить не только «миграцию» визионерской топики (например, оформление этикетной ситуации при помощи таких топосов, как «вечер», «глас», «свет») и приспособление ее к конкретным задачам агиографического повествования, но и разные стадии жанровой эволюции севернорусских житий, от формирования и расцвета до стагнации. Убедительно показано, например, «окостенение» приемов в поздних Житиях Кирилла Новоезерского и Филиппа Ирапского. Интересны также наблюдения над принципами создания агиографических текстов, когда агиограф, не имея возможности опереться на достоверные источники, применяет наработанный

схемы. Данный прием, по мнению автора работы, служит утверждению духовной связи севернорусских святых (с. 88).

В третьей главе структурному анализу подвергнуты ранние видения в составе Сказания о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы. Ценным является вывод о том, что в данном памятнике использована вся палитра художественных приемов, наработанных предшествующей литературной традицией, и Сказание представляет собой своеобразную «антологию жанра» (с. 112, прим. 44, с. 113). Отмечен ряд приемов – например, инверсия в описании событий, созвучие имени визионерки именам Богородицы и Марии Египетской, являвшихся ей.

В диссертации собран большой материал, свидетельствующий о продуктивности в древнерусской литературе на разных ее этапах не только эсхатологических (как это показали другие исследователи), но и других видений, направленных на регламентацию земной жизни христианина. В этом состоит **практическое значение** работы, поскольку полученные данные могут быть использованы в дальнейших исследованиях по изучению поэтики и типологии древнерусских жанров. Кроме того, в работе содержится целый ряд наблюдений, касающихся особенностей функционирования видений в составе более крупных повествовательных структур, что может способствовать углублению научных знаний о литературном процессе в Древней Руси. Накопленный материал может быть использован в дальнейшем изучении как жанра видений, так и различных агиографических жанров.

Теоретическое значение диссертации видится в том, что в ней убедительно показана важная сюжетообразующая роль видений в агиографических памятниках разных жанров; продемонстрированы художественные функции видений в Киево-Печерском патерике, севернорусских житиях, Сказании об иконе, связанные с раскрытием идейно-содержательного плана данных сочинений. Структурно-типологический анализ видений, примененный в диссертации, может быть использован как в дальнейшем изучении жанровой топики видений (подход, широко и плодотворно применяемый в современной медиевистике - исследования А.В. Пигина, в агиографии - Е.Л. Конявской, Т.Р. Руди и др.), так и в построении общей жанровой модели видений обозначенной тематической группы. Выявлена, например, типическая ситуация, оформляющая тему ухода подвижника в пустынь, показаны вариации образов главных действующих лиц видений.

Вместе с тем необходимо отметить спорные моменты и высказать ряд замечаний.

1. Вполне допустимо изучение древнерусской литературы на основе опубликованных источников, что и проведено в данной диссертации. Большое количество современных научных изданий позволяет это сделать. Однако и в этом случае необходимо более точно и систематично указывать датировку сочинений, давать необходимые источниковедческие сведения, хотя бы краткое представление о литературной истории памятников.

2. В определении методологической базы «методы» и «методики» упоминаются как синонимичные понятия (с. 16, ср.: автореферат, с. 5), хотелось бы видеть более четко прописанную методологическую основу.

3. Как показывает текст диссертации, Т.И. Ковалева знакома с важнейшими исследованиями Киево-Печерского патерика, да и сама внесла определенный вклад в его изучение (например, статьи о проповедническом и притчевом начале в нем). Однако в лаконичной 1 главе отсутствует историографический раздел. Это относится и к другим главам: недостаточно учтен вклад медиевистов в изучение агиографического жанра, причем это касается прежде всего теоретических аспектов, изучения жанровой специфики житий, подходов к их анализу с точки зрения литературного этикета, топики жанра.

4. Ставя проблему эволюции жанра видений, автор выбирает для анализа один патерик (в единственной редакции), ограниченную группу житий и одно сказание о чудотворной иконе. С одной стороны, как было сказано выше, это помогает верифицировать идею неизменности и узнаваемости жанровой основы видений (что необходимо для изучения типологии жанра) при динамичности и многообразии контекстов, выявить архетипическую основу и варианты. С другой стороны, такой выбор источников оставляет открытым ряд вопросов, связанных с главными выводами работы. Не является ли, например, характер включения видений в Киево-Печерском патерике («слитость» с другими событиями нарратива), признанный как первый этап в эволюции жанра в целом, спецификой именно патерикового жанра? Если бы к анализу были привлечены более поздние редакции Киево-Печерского патерика, в том числе в изданиях 17 века, а также другие русские патерики (каких было немало), повлияло бы это на общую картину развития жанра? Подобный вопрос можно задать и по отношению к другим жанрам, включавшим видения.

5. Священное Писание безусловно оставалась главным образцом не только для книжников XIII века, но и для более поздних (анalogии с некоторыми сюжетами удачно отмечаются в диссертации). Однако создатели Киево-Печерского патерика (в первую очередь один из образованнейших людей своего времени епископ Симон) уже владели широким арсеналом литературных источников, прежде всего им были знакомы переводные патерики - Синайский, Скитский, Египетский, о чем писали И.П. Еремин, Л.А. Ольшевская. Главы из переводных патериков входили в четыре сборники (Пролог и др.). В диссертации, к сожалению, отсутствуют упоминания о богатой отечественной и переводной патериковой традиции. Между тем чудо и его разновидность – видение или явление, - неотъемлемый элемент патериков, поскольку пространство монастыря уже в раннем христианстве осознавалось как особое место, пронизываемое как для сакральных, так и для inferнальных сил. Записи чудес сначала входили в устную традицию, где-то – в «архивы» монастырей, потом становились достоянием письменной фиксации. Разумеется, весь этот обширный материал невозможно отразить в диссертационном исследовании, но и какие-то отсылки могли бы усилить убедительность выводов.

6. Не всегда можно согласиться с интерпретацией художественных особенностей памятников. Так, например, «окостенение» приема не говорит о процессе разрушения средневековой идеализации героев (с. 99), а всего лишь о трафаретности приема, ставшего каноном. Вообще вопрос о связи и взаимопроникновении канона в жизни и агиографической литературе очень сложен – еще В.П. Адрианова-Перетц писала о том, что византийские жития отражали типичные устойчивые ситуации, имевшие место уже в быту раннего монашества. Современная старообрядческая агиография («Урало-Сибирский патерик», вторая половина 20 века) свидетельствует о том же – жизнь подвижника пронизана этикетными ситуациями.

7. Безусловно, каждый этап бытования видений, зафиксированный в диссертации, отразил тот или иной этап литературного процесса в целом, - будь то углубление психологизма, влияние исихазма, внимание к личности человека, демократические тенденции. В XVII веке важным фактором становится не только внимание к человеку («личностное начало», по Д.С. Лихачеву), но и влияние документа на литературу, что, впрочем, отмечено, но должным образом не освещено в диссертации. Возможно, стоило развить мысль, высказанную в примечании 56 на с. 122 о принадлежности Сказания к категории «переходных текстов» (автор ссылается на работы А.В. Шункова).

Главная цель Сказания - утверждение культа новой сибирской святыни. Именно в этом были заинтересовано и местное население, и сам архиепископ Нектарий, выходец из Ниловой пустыни, принадлежавшей к Новгородской епархии (отсюда – влияние Новгородской иконы Знамения как образца для Абалацкой иконы). Именно им были отправлены в Москву материалы следственного дела о вдове Марии (следствие было проведено тут же, на месте, в Тобольске), легшего в основу Сказания, с целью получения средств на благоустройство церкви в с. Албалак. Обо всем этом писала Е.К. Ромодановская. Вдова Мария представляет интерес для книжника (кто бы им ни был, возможно, Савва Есипов) только как свидетель чуда, важен был факт ее благонадежности, видение, как отмечено в диссертации, описано во всем правилам канона, а вот ее «личная судьба» (с. 119, 120) вряд ли могла заинтересовать автора.

Нельзя согласиться с интерпретацией ряда мотивов Сказания, например, с тем, что отказ крестьянки рассказывать о своем видении обусловлен ее неверием: «ключевая характеристика героини Сказания – неверие» (с. 117). Ни о каком скептицизме визионеров не может быть речи, автор сказания описывает то, что Мария, охваченная священным ужасом и трепетом, не могла поверить, что ей, простой женщине, явилась сама Богородица. Надо учесть и то, что ложное чудо могло жестоко караться со стороны закона, всех визионеров из народа с пристрастием допрашивали на следствии. В данном же случае народная инициатива совпала с заказом, исходящим из высших церковных инстанций. Отметим также, что запрет рассказывать о видении – устойчивый мотив фольклорного жанра «обмираний», а о близком мотиве в других книжных памятниках упоминает и сама диссертантка.

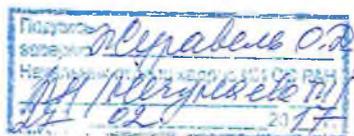
8. Недостаточно обосновано положение о том, что в сибирской литературе видения, «явившиеся основой большинства местных агиографических сочинений, ускоренно проходят в своем развитии те же этапы, что и в общерусской литературе» (с. 20).

К пожеланиям стоит отнести дальнейшую работу по изучению «опыта типологии сюжетов видений». Представленный материал - скорее наброски будущего исследования. При том, что, обращаясь к видениям, где появляются представители темных сил («бесовским наваждениям», с. 146), Т.И. Ковалева справедливо связывает принципы их построения с понятиями «антиповедения» и «антикультуры» (терминология Б.А. Успенского), стоит подумать над удачностью формулировок «герои из мира Христа», «герои из мира Антихриста». Вместе с тем сама попытка обобщить итоги структурно-типологического анализа достойна внимания и, безусловно, открывает перспективы дальнейшего исследования.

Несмотря на высказанные замечания и спорные моменты, работа является **самостоятельным** научным исследованием, достоверность которого обусловлена репрезентативностью источниковой базы, а научные положения и выводы **обоснованы** логикой научного анализа и представленным материалом. Основное содержание диссертации отражено в 12 публикациях, в том числе в коллективной монографии и в журналах, рекомендованных ВАК РФ. Автореферат в целом дает исчерпывающее представление об исследовании

Диссертация Татьяны Ивановны Ковалевой «Видения в агиографических памятниках древнерусской литературы XIII-XVII вв.: жанровая эволюция и сюжетосложение» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение научной задачи, связанной с выявлением специфики, эволюции и функционирования значимого для древнерусской словесности жанра, имеющей значение для развития современного литературоведения. Диссертация соответствует требованиям п. 9-11 действующего «Положения о присуждении ученых степеней» (утверждено постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842), а ее автор, Ковалева Татьяна Ивановна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Доктор филологических наук (специальность 10.01.01 – Русская литература),
старший научный сотрудник,
ведущий научный сотрудник сектора археографии и источниковедения
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук
630090, РФ, г. Новосибирск, ул. академика Николаева, 8
тел. 8 (383) 330 13 49
lamin@history.nsc.ru
<http://www.history.nsc.ru>
27.02.2017 г.

 Журавель Ольга Дмитриевна